

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).045–046

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О САРАТОВСКИХ ВОЕВОДАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Д. В. Лисейцев

Институт российской истории РАН, Москва

E-mail: Liseitsev@mail.ru

В статье освещаются новые факты служебных биографий саратовских воевод первой половины XVII века – Григория Никитича Орлова и князя Ефима Фёдоровича Мышецкого. Материалом для реконструкции спорных и неизвестных ранее событий из жизни этих людей служат обнаруженные автором статьи в Российском государственном архиве древних актов их собственные челобитные, а также составленные по этим прошениям в Разрядном приказе дела и выписки. Статья сопровождается публикацией этих ценных документов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Московское государство XVII века, саратовские воеводы, Смутное время, Смоленская война.

New Facts about the Voivodes of Saratov of the First Third of the XVII Century

D. V. Liseitsev

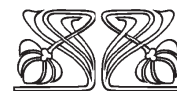
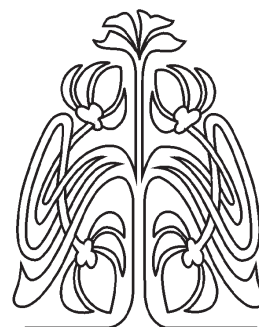
In this article, new facts of official biographies of the Saratov voivodes of the first third of the XVII century – Grigoriy Nikitich Orlov and Prince Efim Fedorovich Myshetskiy are highlighted. The material for the reconstruction of the controversial and previously unknown events of these people's lives is their own petitions, cases and abstracts of orders made on the basis of their petitions, which were discovered in the Russian State Archive of Ancient acts by the author of the article. The article is accompanied by the publication of these valuable documents, which are introduced into academic dealing for the first time.

Key words: Moscow state in XVII century, Saratov Voivodes, Time of Troubles, Smolensk war.

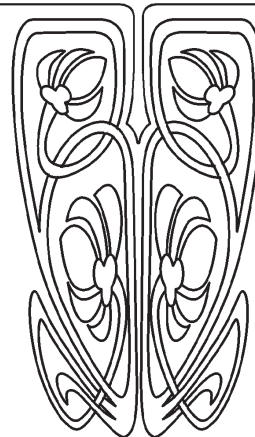
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-329-335

Последние десятилетия ознаменовались ростом исследовательского интереса к событиям российской истории XVII в. Вместе с тем, на настоящий момент мы располагаем довольно бедной базой сведений о биографиях русских людей XVII столетия: отсутствуют даже жизнеописания большинства представителей светской и церковной элиты. В последние годы в отечественной науке стал заметным поворот к «персонализации» истории: историческая биографика становится заметным направлением в историографии. Удачным примером применения биографического метода в историческом исследовании являются труды Я. Н. Рабиновича, особенно его очерки о саратовских воеводах¹. Впрочем, исчерпывающие биографии людей XVII столетия писать сложно (если вообще возможно): отложившиеся в архивах документы способны существенно дополнить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Результатами преимущественно архивных разысканий, уточняющих биографии двух саратовских воевод, автор хочет поделиться с читателями.

Григорий Никитич Орлов был саратовским воеводой дважды – в 1626–1630 и 1638–1641 гг. В уточнении нуждается один из ранних эпизодов его биографии. В литературе высказывалось предположение о том, что в 1613–1620 гг. он находился на воеводстве в сибирском

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

городе Пелыме. Как указывает Я. Н. Рабинович, «Дворцовые разряды и Книги разрядные в течение нескольких лет упоминают о пребывании вторым воеводой в далёком уральском городке Пелыме некоего Григория Орлова»². Несмотря на то что в «Дворцовых Разрядах» пелымский воевода упомянут под другим отчеством – Иванович³ – Я. Н. Рабинович, солидаризируясь с Е. В. Вершининым, склоняется к мысли о том, что в источнике допущена ошибка, и речь должна идти о будущем саратовском воеводе Григории Никитиче Орлове⁴.

Однако в нашем распоряжении есть источник, не позволяющий идентифицировать Григория Никитича Орлова с воеводой, находившимся в 1613–1620 гг. в Пелыме. В феврале 1614 г. Г. Н. Орлов, будучи в Москве, подал челобитную, в которой просил о временном отпуске со службы его брата, И. Н. Орлова. Поводом для прошения стала кончина их младшего брата Петра Никитича. 7 февраля 1614 г. прошение было удовлетворено – И. Н. Орлова указали отпустить ради погребения брата на три недели⁵. Следовательно, в 1613–1614 гг. Г. Н. Орлов никак не мог быть на воеводстве в Пелыме: там находился, как и указано в «Дворцовых разрядах», Григорий Иванович Орлов⁶.

А поскольку длительное – с 1613 по 1620 г. – пребывание Г. И. Орлова на воеводстве в Сибири наводит на мысль об опале, возникают сомнения относительно того, что известный эпизод с проводом в августе 1612 г. неким «Гришкой Орловым» отряда из 600 гайдуков в удерживаемый польско-литовским гарнизоном московский Кремль⁷ можно уверенно связывать с персоной будущего саратовского воеводы. Более вероятным представляется предположение, что столь важную услугу врагам Ополчения оказал именно Г. И. Орлов, впоследствии за это надолго сосланный в Пелым. К нему, а не к его однородцу Григорию Никитичу, следует относить эпитеты «спаситель от голодной смерти польского гарнизона Кремля в Москве и будущего царя Михаила Романова, воевода в Пелыме»⁸.

Один из самых значимых эпизодов в жизни Г. Н. Орлова – первое пребывание на воеводстве в Саратове (1626–1630 гг.). Здесь он впервые зарекомендовал себя как военачальник, отразив татарское нападение на город. Воеводская служба сказалась на благосостоянии Орлова – его годовой денежный оклад был увеличен вдвое и достиг 80 рублей. Однако *быть* пожалованным и *получить* жалование в XVII в. не всегда означало одно и то же. С подобной ситуацией Григорий Никитич столкнулся в августе 1631 г., что и стало причиной подачи им челобитной, публикуемой в прил. 1.

Из челобитной становится понятным, когда именно Григория Орлова пожаловали за саратовскую службу. В очерке Я. Н. Рабиновича указано, что награждение воеводы за отражение татарского нападения на Саратов имело место в 1628 г. Между тем до 1630 г. Г. Н. Орлов оста-

вался на воеводстве. Предположение о том, что Орлов, «съездив в Москву на несколько месяцев и, получив царскую награду, вернулся в Саратов»⁹ выглядит маловероятным – трудно представить, чтобы воеводе было позволено на длительный срок оставить место службы. Нормой в административной системе Московского государства было неотлучное пребывание воеводы в управляемом городе; просить о пожаловании за службу он мог лишь по возвращении в столицу. Именно так обстояло дело и в случае Орлова: в челобитной, поданной в августе 1631 г., он отметил, что *«придача, государь, мне... была на нынешней на 139-й год»*. Следовательно, указ об увеличении оклада Орлову последовал в 1630/31 г., когда тот вернулся в Москву с воеводства.

Однако с получением «придачных денег» у него возникли сложности. В августе 1631 г. Григорию Орлову «была сказана служба» – ему предстояло отправиться на Дон для встречи турецкого посла. Для этой поездки Григорию Никитичу были нужны деньги, и он ударил челом о выдаче денежного жалования. Решение было положительным, челобитчику вернули его прошение с резолюцией думного дьяка Разрядного приказа (*«челобитенка сошла за приписью думново дьяка Ивана Гавренева»*). Как сообщает Орлов, для донской поездки ему было выдано в счёт оклада на следующий год 80 рублей (т. е. уже с учётом прибавки за саратовскую службу). Однако тот желал получить денежную прибавку и за подходящий к концу 1630/31 г., поскольку именно в этом году его наградили увеличением оклада.

Ради этих 40 рублей Орлову пришлось «побегать по инстанциям». Явившись с челобитной в Посольский приказ, из которого его командировали на Дон, челобитчик не нашёл понимания в думном дьяке Фёдоре Лихачёве, который заявил, *«что то дело не ево, была прибавка ис Казанского дворца»*. В приказе Казанского дворца бывшему саратовскому воеводе в помощи отказали: *«подписной челобитной у меня не взяли ок, велели подписную челобитную принесть в четверть»*. Дьяк Устюжской четверти Пантелей Чириков также отказал ему, сославшись на отсутствие у челобитчика сопроводительного письма из Разряда (*«и Устюжские чети дьяк Пантелей Чириков челобитной не возьмет, а сказал, чтоб к нему прислали память против твоево государева указу»*). Круг замкнулся – Григорий Орлов явился в Разрядный приказ просить «память» в Устюжскую четь, но снова встретил отказ – *«а из Розряду, государь, мне о том памяти не дадут»*. Отчаявшись добиться желаемого, Орлов вновь подал государю челобитную, по которой последовало положительное решение. 21 августа 1631 г. в Устюжскую четверть к дьяку Чирикову направили память с распоряжением выдать 40 рублей.

Ещё одно уточнение к биографии Г. Н. Орлова касается времени его кончины. Последнее упомин-

вание о его службе, согласно данным Я. Н. Рабиновича, относится к осени 1641 г., когда Орлов был ещё воеводой в Саратове: «Дальнейших сведений о Григории Никитиче Орлове пока не найдено, и год смерти его точно не известен». Впрочем, исследователь указал на то, что в 1645/46 г. Орлов был ещё жив и владел вотчиной в Дмитровском уезде¹⁰. Помимо косвенных свидетельств в нашем распоряжении имеются и прямые указания на то, что Григорий Орлов после службы в Саратове прожил ещё около полутора десятка лет. 27 октября 1642 г. руководство Челобитного приказа обратилось в Разряд с памятью о присылке восьми дворян в приставы при колодниках. По этому запросу был составлен список из 23 московских дворян. Против имён семерых из них поставлены кресты, что означало их выбор в приставы. Одним из семерых был Григорий Никитич Орлов¹¹. Его имя фигурирует в боярском списке 1643/44 г.; в 1649/50 г. он числился отставленным от службы, а в списке 1656/57 г. рядом с его именем стоит помета «умре»¹².

Кн. Ефим Фёдорович Мышецкий был воеводой в Саратове в 1620–1622 гг. В прил. 2 публикуется дело по челобитной, проливающее свет на некоторые фрагменты его биографии. Прошение Мышецкого можно датировать по косвенным указаниям в тексте. Оно было подано после подписания в июне 1634 г. Поляновского мирного договора, поскольку челобитчик упоминает предшествовавшее его отправлению на воеводство в Саратов Деулинское перемирие с Речью Посполитой 1618 г. как «прежний мир с литовскими людьми». На сставах столбца читается датированная 25 августа 1634 г. резолюция. Надо полагать, кн. Мышецкий подал челобитную в августе 1634 г.

Публикуемое дело вносит ясность в вопрос о том, когда кн. Мышецкий начал службу. Я. Н. Рабинович указал, что к 1605/06 г. тот не достиг ещё новичного возраста¹³. Из челобитной, однако, узнаём, что кн. Ефим Мышецкий был верстан окладом при Лжедмитрии I: «оклад мне... при Ростриге учинен семсот чети да денег из четверти двадцать рублей». Следовательно, к 1605/06 г. челобитчик новичного возраста всё-таки достиг. Обращает на себя внимание и нетипично высокий размер новичного оклада челобитчика – он вдвое превосходит обычный, назначавшийся тогда детям боярским-новикам. Например, брату кн. Ефима, кн. Мурзе Мышецкому, которого в том же году верстали в Ивангороде, назначили новичный оклад в размере 300 четей и 8 рублей, причём жалование он получал «с городом»¹⁴ (в отличие от кн. Ефима, которому деньги платились «из четверти», что было намного престижнее). Этим подтверждаются сведения о том, что Лжедмитрий, ища популярности у служилых людей, назначал им чрезмерно высокие денежные оклады: «а в городех дворян и детей боярских велел для прелести верстать и давать оклады большие»¹⁵.

В челобитной содержится ценное уточнение о службе кн. Мышецкого в начале Смуты. Я. Н. Рабинович указал на факт участия будущего саратовского воеводы в боях 1608–1609 гг. в составе рати боярина кн. М. В. Скопина-Шуйского, а также высказал верную догадку об участии Мышецкого в дальнейшем походе войска к Москве. Этот факт подтверждается челобитной, в которой указано также на участие кн. Ефима в несчастливом для русского войска походе к Смоленску, завершившемся поражением у Клушино: «*был я... на многих службах со многими бояры и воеводы: з боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским во всем походе, и со князем Дмитрием Шуйским*».

Челобитная кн. Мышецкого содержит дополнительные факты о борьбе за Ладогу в 1610–1611 гг. Эта русская крепость в августе 1610 г. была захвачена отрядом французских наёмников на службе у шведского короля. С осени того же года власти Новгорода предприняли несколько попыток отбить крепость у неприятеля. До сих пор о военных столкновениях под Ладогой осенью 1610 г. мы знали только по запискам главы французских наёмников Пьера Делавиля, согласно которым присланные из Новгорода отряды действовали неудачно¹⁶. Челобитная кн. Мышецкого даёт основания утверждать, что реальная картина была сложнее. Челобитчик участвовал в походе на Ладогу, возглавляя отряд детей боярских Водской пятины: «*И после... царя Василья, как немецкие люди город Ладогу взяли, и меня... бояря послали под Ладогу с Воцкою пятиною*»¹⁷. Отряд Мышецкого действовал успешно: «*немецких людей побил двесте человек, и языки многия взяли*». Надо полагать, речь в челобитной идёт о столкновении с отрядом шведов, шедших на выручку осаждённой крепости. Ю. Видекинд сообщает, что генерал Делгарди отправил на помощь к Делавилю отряд в 200 человек, но те попали в засаду, устроенную «копорцами» (Копорье – русская крепость в Водской пятине Новгородского уезда), и были разбиты¹⁸.

В феврале 1611 г. Делавиль сдал Ладогу новгородскому воеводе Ивану Михайловичу Салтыкову. По условиям капитуляции французы были выпущены из крепости с оружием и имуществом, им отдали и захваченных за время осады пленных. По мнению Я. Н. Рабиновича, мягкость, проявленная Салтыковым к противнику, стала одной из причин недовольства новгородцев и, в конечном итоге, привела к его аресту и казни. Между тем в челобитной кн. Ефима Мышецкого содержится любопытный фрагмент, позволяющий предположить, что воевода И. М. Салтыков мог быть казнён за проявленное малодушие. В начале марта 1611 г. находившийся на шведской службе отряд Самуила Коброна попытался отбить у новгородцев недавно оставленную Делавилем Ладогу¹⁹. Нападение оказалось неудачным, но Салтыков, судя по челобитной Мышецкого, проявил постыдную слабость – «*Иван Салтыков из*

Ладоги побежал». Надо полагать, именно это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения новгородцев – в марте 1611 г. воевода был посажен на кол.

Челобитная кн. Мышецкого проясняет ещё несколько эпизодов его биографии. Подтверждается предположение Я. Н. Рабиновича относительно времени перехода челобитчика из шведского лагеря на службу к царю Михаилу Фёдоровичу (начало лета 1614 г.)²⁰: Мышецкий сообщает, что, уйдя «из-за пристава» (т. е. из-под стражи), он успел принять участие в боях под Бронницами, которые продолжались с мая по июль 1614 г. – «и был на твоей государеве службе на Броннице». Уточняются сведения о наиболее ярком эпизоде службы кн. Мышецкого на воеводстве в Саратове, когда ему удалось воспрепятствовать переправе через Волгу ногайцев, желавших пройти к кочевьям Малой Ногайской орды – «И в то... время от Астарахани Яцерек-мурза з братьею отишел проч, хотел ити за Волгу в Казыев улус». Я. Н. Рабинович склоняется к мнению о том, что остановить продвижение ногайцев за Волгу саратовскому воеводе удалось дипломатическими методами: «Трудно сказать, применил ли воевода Мышецкий силу (которой у него практически не было) против многотысячной орды»²¹. Из челобитной кн. Е. Ф. Мышецкого следует, что силу применить всё же пришлось: «И я... на Волгу на перевозы посылал с твоими государевыми ратными людьми голов, и на перевозех их ратных людей многих побил, и за Волгу их в Казыев улус не пропустил».

Наконец, важным эпизодом в биографии кн. Ефима Мышецкого стала его служба воеводой в Мещовске во время Смоленской войны 1632–1634 гг., когда он организовал захват русскими войсками города Серпейска. Об этом событии Я. Н. Рабинович сообщает: «Ефим Фёдорович в самом начале Смоленской войны со своим небольшим отрядом совершил успешный поход к Серпейску. Город уже осенью 1632 г. был освобожден. Этот поход Ефима Мышецкого из Мещовска к Серпейску, подробности которого неизвестны, оказался довольно удачным для нашего героя»²². Челобитная кн. Мышецкого и сделанная в Разрядном приказе выписка раскрывают обстоятельства взятия Серпейска. Выясняется, что в походе мещовский воевода не участвовал, хотя его роль в подготовке взятия города была значительной. Сам кн. Мышецкий в челобитной описывал своё участие скромно, рассказывая лишь об организованной им разведке: «всякие литовские вести писал и про город про Серпейской писал же, и разматривать посылал, как ево и коим обычаем взять». Присланные в Москву сведения повлияли на военные планы командования, результатом реализации которых стало взятие Серпейска: «И по моей... отписке указал ты, государь, под Серпейской тайным обычаем послать, и я, ... дав головам вожей мещовских казаков, послал под Серпейской, и твоим государьским счастьем преже всех горо-

дов Серпейской взяли». Как видно, челобитчик ни словом не упоминает о своём участии в походе на Серпейск, из Мещовска к городу были посланы лишь двое проводников. В Разряде информацию о взятии Серпейска существенно уточнили. В сентябре 1632 г., ещё до того как боевые действия вступили в активную фазу, мещовский воевода сообщил в Москву результаты произведённой по его приказу разведки. Побывавшие близ Серпейска два казака и крестьянин рассказали воеводе, что к крепости с одной стороны близко подступает лес, от которого непосредственно к городу тянется овраг («крытвина»). Это создавало благоприятные условия для скрытной переброски к городу пеших отрядов («и пешими людьми Серпейск взяти мочно»). По оценке воеводы, для взятия города было достаточно двух сотен стрельцов, которых он просил прислать из Калуги. В Москве распорядились отправить к Серпейску детей боярских и три сотни стрельцов, которым кн. Мышецкий должен был предоставить проводников. Воевода не ограничился этим, проявив собственную инициативу: отправил на соединение со стрельцами сотню мещовских казаков. В итоге уже в октябре 1632 г. кн. Ефим Мышецкий рапортовал в столицу о полном успехе операции: «серпейской капитан и польские и литовские люди, видя над собою государевых людей промысл и тесноту, государю добились челом и город здали».

Завершая очерк о саратовских воеводах, можно констатировать, что целенаправленный поиск, равно как и случайные, но счастливые находки архивных материалов дают порой возможность существенного уточнения биографий людей XVII в.: сохранившиеся до наших дней челобитные и материалы приказного делопроизводства таят в себе немало сведений, неизвестных исследователям.

Примечания

- 1 См.: Рабинович Я. Н. Личности Смутного времени : Андрей Фёдорович Палицын // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 73–83 ; *Его же*. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98 ; *Его же*. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2014 ; *Его же*. Братья Коробыны на службе России (1603–1639). Саратов, 2014 ; *Его же*. Братья Семён и Никита Гагарины : страницы биографии. Саратов, 2015 ; *Его же*. Воевода Саратова Федор Иванович Чемоданов (1623–1626 гг.) : неизвестные страницы биографии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 97–104.
- 2 Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова... С. 114.
- 3 Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I. СПб., 1850. Стб. 154.
- 4 Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова...

- С. 115 ; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 165.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. «Разрядный приказ». Столбцы Московского стола. Д. 6. Ч. 2. Л. 142–143.
- ⁶ Та же ошибка допущена А. В. Полетаевым в именном указателе к «Копийной книге о опалных людех». Несмотря на то что в источнике пелымский воевода записан без отчества, в указателе он поименован Григорием Никитичем Орловым. См.: Копийная книга «о опалных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. Екатеринбург, 2014. С. 55, 405.
- ⁷ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 375.
- ⁸ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 130. Отмечу, что в «Новом летописце» ничего не сказано о том, что Орлов провёл в Москву продовольственный обоз, речь идёт только об отряде в 600 гайдуков.
- ⁹ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 120.
- ¹⁰ Там же. С. 129.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 179. Л. 221.
- ¹² *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 416 ; *Белюсов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Т. 2. Казань, 2009. С. 291.
- ¹³ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 55.
- ¹⁴ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сб. документов. М., 2003 (далее – НД). № 136. С. 269.
- ¹⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 6.
- ¹⁶ *Делавиль П.* Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского // Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 136–137.
- ¹⁷ В Водской пятине Мышецкий занимал видное место и позднее : в мае 1619 г., при сыске окладов служилых людей этой пятины, кн. Е. Ф. Мышецкий был одним из четырёх «окладчиков» (НД. № 136. С. 266).
- ¹⁸ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 151.
- ¹⁹ *Рабинович Я. Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013. С. 121–123.
- ²⁰ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 64–65.
- ²¹ Там же. С. 69.
- ²² Там же. С. 73.

Приложение 1

Около 21 августа 1631 г. Дело по челобитной Григория Никитича Орлова о выдаче ему придаточного жалования за службу на воеводстве в Саратове

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Гришка Орлов. По твоей государской милости придано мне за саратовск [ую] службу денежного жалованья сорок рублей. И то придаточное жалованье и по ся места мне не выдано. И я, холоп твой, бил челом о том тебе, государю, твоей государской милости, челобитенка сошла за приписью думново дьяка Ивана Гавренева, пожаловал ты, государь, велел придаточное жалованье выд [ать]. И я, холоп твой, тое подписную челобитенку приносил к думному дьяку Федору Лихачеву, и думной дьяк Федор сказал мне, что то дело не ево, была прибавка ис Казанского дворца. И дьяки Казанского приказу подписной челобитной у меня не взяли ж, велели подписную челобитную принести в четверть. И Устюжские чети дьяк Пантелей Чириков челобитной не возьмет, а сказал, чтоб к нему прислали память против твоего государева указу. А из Розряду, государь, мне о том памяти не дадут. А которым, государь, нашей братье твое царское жалованье прибавка была, Семену Яковлеву придано за турскую службу семьдесят рублей, и выдано, князь Семену Гогарину придано пятьдесят рублей и выдано, Ивану Огареву за донскую службу придачи выдано ж, и иным

многим, кому придавано, тем всем придачные деньги выданы. А для, государь, твоей государевой донской службы дано мне, холопу твоему, твое государево денежное жалованье восемьдесят рублей сполна вперед на сто четырёхдесятый год, а придача, государь, мне, холопу твоему, была на нынешней на 139-й год, и та придача мне не дана. И ты, государь, пожаловал, велел мне те придачные денги выдать. И по той подписной челобитной нигде мне, холопу твоему, указу не учин [ят], а поднятца на твою государеву такую нужную службу нечем. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, для своей государевой службы и моей скудости, вели свое государево жалованье, придачные деньги, выдать. Государь, царь, смилуйся, пожалуй» (520)¹.

«Лета 7139-го августа в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дьяку Понтелею Чирикову. Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожаловал Григорья Орлова, велел ему свое государево жалованье денежную придачу сорок рублей², что ему придано в нынешнем во 139-м году за саратовскую службу, для донские посылки³ дать. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу дьяку Понтелею Чирикову⁴ государево жалованье денежную придачу Григорью Орлову сорок рублей⁵ для донские посылки велел⁶ выдать» (521).

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. «Столбцы Московского стола». Д. 59. Л. 520–521).

Приложение 2

Около 25 августа 1634 г.

Дело по челобитной кн. Ефима Мышецкого об увеличении его поместного и денежного оклада за многолетнюю службу

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Еуфимко Мышецкой. Служил я, холоп [п тв] ой, прежним государем и тебе, государю, многия твои государевы службы. При царе Василье Ивановиче был я, холоп твой, на многих службах со многими бояры и воеводы: з боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским во всем походе, и со князем Дмитрием Шуйским. И после, государь, царя Василья, как немецкие люди город Ладогу взяли, и меня, холопа твоего, бояря послали под Ладогу с Воцкою пятиною, и я, холоп твой, немецких людей побил двесте человек, и языки многия взяли. И после, государь, тово немецкие люди, как Иван Михайлов сын Салтыков пришел под Ладогу, и немцы здались. И как Иван Салтыков из Ладоги побежал, и я, холоп твой, сидел в Орешке в осаде два годы от немецких людей. И как немцы Орешок взяли, и я, холоп твой, у них сидел за приставом, и из-за пристава у них ушел, и был на твоей государеве службе на Броннице. И после, государь, бронницкие службы был я, холоп твой, на твоей государеве службе под Смоленским, и после, государь, смоленские службы, как немцы отдали Великий Новгород, послан был на твою государеву службу в Новгород з боярином со князем Иваном Андреевичем Хованским. И на него на дороге приходили литовские люди и ево побили, и самого было взяли, и я, холоп твой, ево, боярина, да Осипа Прончищева от литовских людей отбил и их отвел. И как, государь, прежним миром с литовскими людьми помирились, и я, холоп твой, послан был на твою государеву службу на Саратов. И в то, государь, время от Астрахани Ящерек-мурза з братьею отшел проч, хотел ити за Волгу в Казыев улус. И я, холоп твой, на Волгу на перевозки посылал с твоими государевыми ратными людьми голов, и на перевозех их ратных людей многих побил, и за Волгу их в Казыев улус не пропустил. Да я ж, холоп твой (96), // был на твоей государеве службе в Мещевску и тебе, государю, служил, всякие литовские вести писал и про город про Серпеской писал же, и розмагивать посылал, как ево и коим обычаем взять. И по моей, государь, холопа твоего, отписке указал ты, государь, под Серпеской тайным обычаем послать, и я, холоп твой, дав головам вожей мещовских казаков, послал под Серпеской, и твоим государьским счастьем преж всех городов Серпеской взяли. И твоя государева грамота з жаловальным словом ко мне, холопу твоему, была. И после, государь, мещовские службы был я, холоп твой, на твоей государеве службе в Дорогобуже, и многих литовских людей на боях побивали, языки имали, и твои государевы жаловальные многия грамоты к

нам, холопом твоим, в Дорогобуж з твоим государевым жаловальным словом были. И братья, государь, у меня, холопа твоего, и племянники многие побиты, и я, холоп твой, от ран увечен, и ныне, государь, под Смоленским убиты три брата да два племянника ранены. И за те, государь, за все за прежние и за нынешние службы я, холоп твой, не пожалован, оклад мне, холопу твоему, при Ростриге учинен семсот чети да денег из четверти двадцать рублей, а с тех мест за мое службишка и за раны придач не было, потому что безпрестанно я, холоп твой, был по твоим государевым службам. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа твоего, за мое прежние службишка и за нынешнее, и за раны, и за братню кровь своим государевым жалованьем помесной и денежной придачей, как тебе, праведному государю, бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй (62).

А как князь Ефим Мышетцкой при царе Василье служил, и того выписати не из чево, что старые столпы в Московское разоренья пропали.

А в челобитной князя Ефима Мышетцкого написано:

При царе Василье Ивановиче был он, князь Ефим, на государеве службе з бояры и воеводы со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским да со князем Дмитрием Ивановичем Шуйским.

А после царя Василья, как немецкие люди Ладогу взяли, и он, князь Ефим, от бояр посылан был под Ла (63) // дугу с Вотцкою пятиною, и под Ладогою немецких людей побил двесте человек, и языки многие поимал.

Да он же, князь Ефим⁷, в Орешке от немецких людей сидел в осаде два года, а как немецкие люди Орешек и ево в Орешке взяли, и сидел у немецких людей за приставом, и из-за пристава ушел. И был на государеве службе на Бронницах, а после бронницкие службы был на государеве службе под Смоленском. А после смоленские службы, как немецкие люди Великой Новгород отдали, и он, князь (64) // Ефим, посылан был на государеву службу в Новгород з боярином со князем Иваном Андреевичем Хованским, и как приходили на него литовские люди и побили, и он, князь Ефим, боярина да Осипа Прончищева от литовских людей отбил.

Да он же, князь Ефим, посылан на государеву службу на Саратов, и в то время от Астрахани Ищерек-мурза з братьею хотел ити за Волгу в Казыев улус, и он, князь Ефим, посылал з государевыми ратными людьми на Волгу на перевозки голов с сотнями, и государевы ратные люди на перевозех татар многих поубили, и за Волгу их в Казыев улус не пропустили (65). //

Да выписана князя Ефима Мышетцкого служба, как он во 142-м году был на государеве службе в Мещевску.

141-го году в сентябре писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Мещевска князь Ефим Мышетцкой: посылал

он под Серпе (66) // еск мест розматривати дву человек казаков да мужика, как бы притти под город и город взяти. И те казаки и мужики, пришед к нему, сказали, что от города от Серпейска лес с одной стороны, и от тово лесу пришла к городу рытвина, и пешими людьми Серпееск взяти мочно, и чтоб к нему ис Колуги для промыслу над Серпейском послати двести человек стрельцов.

И писано от государя в Мещоск ко князю Ефиму Мышетцкому, что по государеву указу велено ис Колуги Богдану (67) // Нагово для промыслу над Серпейском послати в Мещоск голов с сотнями да 300 человек колужских стрельцов, и как те ратные люди в Мещоск придут, и князю Ефиму Мышетцкому с теми головами велено послати мещеских казаков, которых он посылал досматривати, и иных вожей добрых.

И в октябре писал государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Мещеска князь Ефим Мышетцкой: посылал он из Мещоска под Серпееск мещеских казаков 100 человек, а велел им, сшодчися з головами и с ратными людьми, которые посланы от Богдана Нагово, над Серпейском промышляти. И как головы с ратными людьми и с мещескими казаки и с вожи пришли под Серпееск, и серпейской капитан и польские и литовские люди, видя над собою государевых людей промысл⁸ и тесноту (68), // государю добили челом и город здали. И за ту службу ко князю Ефиму Мышетцкому писано от государя з жаловальным словом и с похвалою (69). //

УДК 343.1:271.2(470.44) |18/19|

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД СТАРООБРЯДЦАМИ И СЕКТАНТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Саратовской губернии)

С. М. Руфин

Поволжский кооперативный институт Российского университета кооперации, Энгельс
E-mail: vmf-86@mail.ru

Статья посвящена слабо разработанной в российской историографии проблеме судебного преследования представителей старообрядчества и религиозного сектантства за преступления против православной церкви. Рассматривается судебная практика по делам о противоправных действиях старообрядцев и сектантов. Автор приходит к выводу о том, что судебное преследование старообрядцев и сектантов второй половины XIX – начала XX в. было неэффективным и, как правило, заканчивалось вынесением оправдательного приговора.

Ключевые слова: старообрядчество, сектантство, православная церковь, судебные процессы, религиозные преступления.

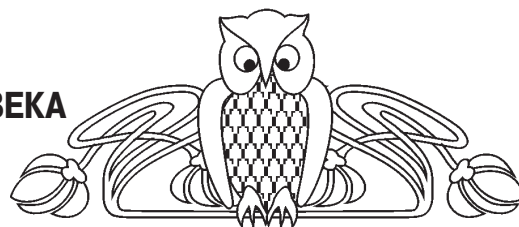
И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом князь Ефим Мышетцкой, чтоб ево государь пожаловал, за службы, что он служил при царе Василье и при боярех, и за мещескую службу своим государевым жалованьем, помесною и денежною придачею, как государю Бог известит.

А помесной оклад князю Ефиму Мышетцкому 700 чети, денег из чети 20 рублей (70)⁹.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 96. Л. 62–70).

Примечания к прил. 1, 2

- 1 На обороте помета: *Государь пожаловал, придачу ево, что ему придано за саратовскую службу, для нынешней донской службы велел выдати.*
- 2 Слова *сорок рублей* приписаны над строкой.
- 3 Слово *посылки* приписано над строкой вместо *зачеркнутого службы вы.*
- 4 Далее *зачеркнуто слово велети*, над строкой написано и *зачеркнуто: Григорью Орлову.*
- 5 Слова *Григорью Орлову сорок рублей* написаны над строкой вместо *зачеркнутого что ему придано за саратовскую службу.*
- 6 Слова *посылки велел* приписаны над строкой вместо *зачеркнутого службы.*
- 7 Слова *князь Ефим* приписаны над строкой.
- 8 Слово *промысл* приписано над строкой.
- 9 На сставах дела имеется помета: *142-го августа в 25 день государь // пожаловал, // за мещоскую службу // велел придати // денег к 20 рублем // 25 рублей // да помесной // придачи 100 чети.*

Trials Concerning Old Believers and Sectarians in the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Centuries (Based on Saratov Province Materials)

S. M. Rufin

The article is devoted to the problem of the prosecution of members of the Old Believers and religious sectarianism for crimes against the Orthodox Church, weakly developed in Russian historiography. Court practice on cases concerning illegal actions of the Old Believers and sectarians is shown. The author comes to the conclusion that prosecution of the Old Believers and sectarians in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries was ineffective and, as a rule, ended in acquittal.

Key words: Old Believers, sectarianism, Orthodox Church, trials, religious crimes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-335-340